

© 2014 г.

Тарас Вархотов

кандидат философских наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
(e-mail: varkhotov@gmail.com)

Ольга Кошовец

кандидат философских наук
старший научный сотрудник Института экономики РАН
(e-mail: helzerr@yandex.ru)

БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И МЫСЛЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Статья посвящена проблеме отношения «модель-реальность» в экономической науке. Рассматриваются основные дискуссии о статусе концептуальных оснований и результатов работы экономистов-теоретиков в методологии экономической науки, в связи с чем анализируется статус мысленного эксперимента и теоретического моделирования в экономической теории. Проводится эпистемологическое различие между мысленным экспериментом в экономической науке и экспериментальными процедурами в естествознании, из которого следует принципиальное различие в статусе результатов и проблематичность репрезентативности теоретических экономических моделей.

Ключевые слова: экономическая реальность, онтология, модель, эксперимент, мысленный эксперимент, экономическая теория, инструментализм, знание.

Центральной проблемой методологии экономических наук, актуальность которой только усилилась в результате финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., является дискуссия о статусе результатов, получаемых в экономической теории. Фокусом этих дискуссий неизменно оказывается проблема отношения моделей, которые являются фактическим предметом профессиональной деятельности экономистов-теоретиков, и «реальности» как некоторой сферы применения создаваемого экономической наукой продукта. Эта проблема имеет как методологический, так и сугубо прагматический ракурс: вопрос о границах применимости экономических моделей и о характере связи модели и моделируемого, в конечном счете, приводит к проблеме оценки применимости результатов работы экономистов-теоретиков, – например, в сфере государственной экономической политики.

Как показывает анализ литературы и дискуссий, посвященных вопросам отношения модели и реальности и засилью формализма в экономической теории, данные проблемы рассматриваются почти исключительно

в эпистемологической плоскости, т.е. как «абстрактные» эпистемологические проблемы. Кроме того, наблюдается зависимость рассмотрения этой темы от (пост)позитивистской философии и методологии науки. Это облегчает поиск аргументов в защиту той или иной модели, поскольку вопрос о ее реалистичности ставится сугубо как проблема репрезентации и замыкается в рамках рассуждений о ее объяснительных, инструментальных, описательных достоинствах для экономистов.

Между тем, онтологический ракурс рассмотрения позволил бы поставить те же вопросы совсем иначе. Такой подход можно обнаружить лишь в рамках гетеродоксальных направлений, – в частности, в критическом реализме. По мнению Т. Лоусона, господство формальных методов в ортодоксальной экономической теории приводит к принципиально неадекватному отображению событий реального мира, а также к конструированию «закрытых» систем, тогда как экономика, будучи социальной сферой, принципиально открыта, – в ней, как правило, отсутствуют постоянные связи между событиями.¹ В этом смысле сами онтологические основания теории (и продуцируемых ею моделей) принципиально неверны, к тому же они формируют мышление, иронично охарактеризованное им как «No reality please. We're economists».

В данной статье мы хотели бы рассмотреть эпистемологические подходы к защите экономической теории от обвинений в засилье формализма и неадекватном отражении реального мира или его игнорировании.

По нашему мнению, в целом можно выделить три таких подхода: 1) рассмотрение данной проблемы в рамках более общей проблемы моделирования и научной репрезентации; 2) инструменталистский подход (ярко заявленный М. Фридманом и до сих пор весьма популярный); 3) один из наиболее востребованных в настоящее время трендов – рассмотрение моделей в контексте экспериментальных практик: отождествление в той или иной мере модели и эксперимента, понимание модели как разновидности мысленного эксперимента или контрфактического суждения. Далее мы сосредоточимся преимущественно на этой последней стратегии, а также частично коснемся инструментализма.

Модель versus реальность, или с чем работают экономисты. Необходимо отметить, что оба ключевых понятия, фиксирующих территорию рассматриваемых дискуссий, – «реальность» и «модель», с одной стороны, сильно контекстуально перегружены, а с другой стороны, существенным образом недоопределены. Отсутствие ясности в понимании того, чем является «модель», маскируется за счет определения модели через отношение с «реальностью»: модель является локально методологически оправданной

¹ Lawson T. Economics and Reality. – L.: Routledge, 1997.

(т.е. подходящей для решения некоторой задачи) редуцированной репрезентацией «реальности» (моделируемого).¹ Определяемое растворяется в определителе: модель понимается как «упрощенная» и, за счет этого, «контролируемая» реальность, а вопрос о статусе и специфических чертах модели подменяется типологией моделей и множеством определений ad hoc для отдельных элементов этой типологии.

Центр тяжести в вопросе о статусе модели, тем самым, переносится на проблему «реальности», а экспликация этого понятия оказывается более чем затруднительной. Для всех случаев, когда вопрос о «реальности» ставится в контексте содержания некоторых теоретических представлений, обнаружить ясный ответ, чем она является, и где именно она прячется (т.е. что и каким образом в составе теории может быть ей сопоставлено), как правило, не удается.

В эпистемологии такое положение дел порождает многочисленные антиреалистические решения, рассматривающие «реальность» в качестве недостижимого горизонта, либо вовсе отказывающиеся признать существование чего-либо «по ту сторону» нашей теоретико-конструктивной деятельности. Рефлексии по поводу обозначенной проблемы в методологии экономической науки порождают широкий спектр оценок статуса теоретической деятельности и ее результирующих продуктов – экономических моделей, варьирующих в диапазоне от «сомнительно, но, по крайней мере, эвристично» до «надежно и репрезентативно».

Многие экономисты признают, что их модели не имеют прямого отношения к реальности или не похожи на что-либо в реальном мире. Между тем, когда эта очевидная проблема становится чувствительной, они начинают утверждать, что реальность ведет себя так, как будто их теории верны. Среди экономистов-теоретиков все больше утверждаются идеи о том, что теории – это эвристически полезные, но искусственные конструкции, не имеющие к реальности прямого отношения. Таковы «правдоподобные миры» Р. Сагдена², «аналоговые экономики» Р. Лукаса³ и «басни» А. Рубинштейна⁴.

¹ Мы здесь опираемся на классическое для эпистемологии и методологии науки исследование модели М. Вартофского (см.: Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание М.: Прогресс, 1988, с. 27–40). Понимание модели как «очищенной» репрезентации, по нашему мнению, характерно и для всех рассматриваемых в настоящей статье экономистов и методологов.

² Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке // Философия экономики. Антология. Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

³ Lucas R. Studies in Business-Cycle Theory. Oxford: Basil Blackwell, 1981.

⁴ Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // «Вопросы Экономики» (далее – ВЭ), 2008, № 11, с. 62–81.

Так, с точки зрения А. Рубинштейна, наиболее критично поставившего вопрос о целях теоретической деятельности, построение экономических моделей подобно написанию басен, и ценность их определяется не репрезентативностью или реалистичностью, а, скорее, способностью оказывать «воздействие» на реальность через «культуру» соответствующей (экономической) деятельности. «Мы осуществляем мыслительные операции, которые лишь приблизительно связаны с реальностью, и из которых удалено большинство характеристик, относящихся к реальной жизни. Однако в хорошей модели, как и в хорошей басне, остается что-то значительное».

Менее жесткой и более популярной антиреалистической позицией является перемещение модели в сферу возможного, воображаемого, искусственного. Согласно Р. Сагдену, «модели описывают правдоподобные контрфактические миры. Их убедительность дает нам определенные гарантии, позволяющие распространить полученные в процессе анализа модели индуктивные умозаключения на реальный мир»¹. По мнению Р. Лукаса, «мы выдумщики, которые большую часть времени оперируют в воображаемых мирах. Мы не считаем, что царство фантазии и идей является альтернативой или убежищем от практической реальности. Напротив, это единственный способ, который мы нашли, чтобы всерьез думать о реальности. В некотором смысле, в этом методе нет ничего более, чем поддержание убеждения ... что воображение и идеи имеют значение ... им нет практической альтернативы»². В свою очередь, Д. Хаусман понимает модель как использование математических инструментов, чтобы задать вопрос «что, если?», – своеобразный диагностический инструмент, с помощью которого мы можем идентифицировать, каким именно образом реальность отличается от модели³.

Однако в сфере методологии конкретных наук о действительности (включая науки об экономике) такого рода эпистемологические решения едва ли могут быть использованы, поскольку это ведет к разрушению самой предметной области данной группы наук. Поэтому ответ А. Рубинштейна воспринимается как экстравагантный и неприемлемый, а Р. Сагден все же придерживается мнения, что разрыв между моделью и реальным миром должен быть устранен. Науки о действительности

¹ Сагден Р. Цит.соч., с. 517.

² Lucas R. What Economists Do. P. 6. (http://home.uchicago.edu/~vlima/courses/econ203/fall01/Lucas_wedo.pdf).

³ Hausman D. The inexact and separate philosophy of economics: an interview with Daniel Hausman // *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*, 2011, Vol. 4, Issue 1, pp. 75–76.

не могут существовать без самой этой «действительности», и поэтому, несмотря на растущее число самых разнообразных затруднений касательно обнаружения «реальности» и выявления ее отношений с нашим «знанием», сама установка на репрезентативность знания сохраняется. Поэтому не прекращаются поиски средств обнаружения «реальности» и подтверждения соответствия ей имеющихся в нашем распоряжении теорий, – что бы ни понималось в конкретном случае под «соответствием» и «реальностью».¹

На другом полюсе эпистемологических оценок располагаются экономисты, стремящиеся защитить собственные результаты с позиций различных версий инструментализма, т.е. перенося «центр тяжести» дискуссии о репрезентативности моделей с проблемы реалистичности посылок на проблему надежности предсказаний и, соответственно, эффективность выводимых из модели следствий. В крайне радикальной форме такую позицию занимает М. Фридмен, по мнению которого реалистичность посылок не может быть достигнута и не требуется, поскольку ценность знания определяется исключительно его предсказательной силой. «...Теория не может быть проверена простым сопоставлением ее «предпосылок» с «реальностью», – утверждает М. Фридмен. – Да и не существует никакого осмысленного способа сделать это. Полный «реализм», очевидно, недостижим, а вопрос о том, является ли теория достаточно реалистичной, может быть разрешен только исходя из того, дает ли она достаточно хорошие для данной цели предсказания или лучшие предсказания по сравнению с альтернативными теориями».²

Однако утверждение о значимости исключительно следствий и допустимости пренебрежения посылками заставляет вспомнить о том, что из неопределенных (в частном случае, даже ложных) оснований следует не только истинный, но и вообще любой вывод. Получается, что прагматически ценный результат (то самое «лучшее предсказание») может оказаться случайным и/или неполным выводом, что заставляет ожидать не только то, что предсказывается моделью, но и, в конечном счете, все, что угодно. Данная проблема хорошо известна как проблема неполной индукции, представляющей собой как раз один из видов вывода в условиях принципиальной неполноты необходимой для вывода информации. Иллюстрируя возникающие при этом сложности, Б. Рассел предлагал представить себе индюшку, которая, получая корм каждый день в тече-

¹ Обзор дискуссий вокруг проблемы реальности и статуса теорий в естественнонаучном знании см.: Фурсов А.А. Проблема статуса теоретического знания науки в полемике между реализмом и антиреализмом. М., 2013.

² Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994, вып. 4, с. 49.

ние некоторого времени, делает вывод о том, что индюшкам каждый день дают корм, и это предсказание неизменно подтверждается вплоть до Дня Благодарения, когда события принимают совсем иной оборот. Соответственно, следуя логике предпочтения заключений перед посылками, мы ставим себя в ситуацию индюшки, картина мира которой находится под постоянно и принципиально неустранимой угрозой обрушения.¹ Кроме того, в своей радикальной версии инструменталистский подход предполагает локальность любых теоретических результатов, что идет в разрез с интуицией единства реальности и (в конечном счете) всеобщности («объективности») знания.²

Итак, мы видим, что ни антиреалистическая, ни инструменталистская позиция, в конечном счете, не позволяют экономистам уйти от проблемы «реальности». Таким образом, методология экономической науки оказывается перед необходимостью защитить не только инструментальную ценность теоретических построений, но и их репрезентативность. Модель должна быть не просто эффективной, она должна быть еще и реалистичной, – в противном случае мы не можем оценить границы ее применения и степень зависимости от внешних (неучтенных в ней) факторов, а ее эффективность в любой момент может подвести.

В этой связи одним из наиболее востребованных вариантов эпистемологического оправдания моделей стало придание им статуса мысленного эксперимента, который, – с некоторыми оговорками, – рассматривается как аналог материального эксперимента в естественных науках.³ Показательными примерами в этой связи нам представляются рассуждения Р. Лукаса и У. Мяки.

По мнению Р. Лукаса, экономисты теоретики создают правдоподобные аналоговые модели для «системы-мишени», под которой обычно по-

¹ О неустранимости и принципиальной роли «случайностей» и «исключений», включая обсуждение примера с индюшкой см.: Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009.

² На отмеченную локальность обращает внимание и Д. Хаусман, – см. Хаусман Д. Зачем заглядывать под капот // *Философия экономики. Антология*. Под ред. Д. Хаусмана. М., 2012, с. 222. Об идеале объективности см. фундаментальную работу: Daston L., Galison P. *Objectivity*. N.Y.Zone Books, 2007.

³ См., напр.: Мяки У. Модели и эксперименты – это одно и то же // ВЭ, 2008, № 11, с. 81–90; Mäki U. On the method of isolation in economics // *Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities (Idealization IV: Intelligibility in Science, ed. by C.Dilworth)*, 1992, 26, pp. 319–354; Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке // *Философия экономики. Антология*. Под ред. Д. Хаусмана. М., 2012.

нимается реальная экономика. Подобное моделирование полезно и необходимо. Поскольку полноценные эксперименты на обществе, как правило, непомерно дорогие, этически не оправданы или сложно управляемы, экономисты-теоретики должны заменить экспериментирование чем-то еще. По сути, речь здесь идет о замене эксперимента на мысленный эксперимент. Модель позволяет нам поставить контрфактический вопрос о том, «что случится, если некая переменная будет изменена определенным образом»?

Согласно Р. Лукасу, экономистам следует представить, что они подвергают свои модели своего рода «рабочему эксперименту» и проверке «на разнообразии реакций». «Одна из функций теоретической экономики – создать полностью заданные искусственные экономические системы, которые могут служить в качестве лабораторий... где можно тестировать различные варианты экономической политики». ¹ Так, к примеру, создав «депрессию-симулякр» мы можем надеяться, что то, что, как мы предполагаем, может произойти в модели, может произойти и на самом деле.

В теории бизнес-циклов подобные модели строятся с целью показать, что изменения в предложении денег «имеют способность индуцировать депрессии или бумы» не только в самих этих моделях, но и в реальной экономике. Р. Лукас пишет в этой связи: «В общем, я верю, что человек, утверждающий, что понимает принципы полета вполне способен сконструировать летательный аппарат; в свою очередь, понимание бизнес-циклов означает способность в той или иной мере создавать их». ²

Таким образом, для понимания и объяснения отношений между различными объектами и процессами в реальной экономике ключевой стратегией должно стать построение моделей с целью сделать так, чтобы некоторые события случились в этих «аналоговых экономиках». В таком случае мы «сможем относиться к рекомендациям по экономической политике так, как если бы они были экспериментально проверены». ³

Следует отметить, что представление о мысленном эксперименте как одном из основных источников результатов в области экономической теории, является общим местом в методологии экономических наук. При этом «мысленными экспериментами» именуется весьма разнородные теоретические операции – контрфактические суждения, гипотетические рассуждения, игровые модели и другое, – общим для которых является лишь то, что

¹ Lucas R. (1981). *Studies in Business-Cycle Theory*. Oxford: Basil Blackwell, 1981, p. 696.

² *Ibid.*, p. 6.

³ *Ibid.*, p. 220.

во всех случаях речь идет о рассуждении, построенном по строгим правилам и решающем некоторую познавательную задачу.

Таким образом, значение термина «мысленный эксперимент» оказывается чрезвычайно расплывчатым, однако поскольку словосочетание содержит слово «эксперимент», оно неявно опирается на авторитет практики естественнонаучного эксперимента и интуитивно рассматривается как аналог метода, ключевого для естествознания, в сфере наук об обществе, что хорошо видно на примере рассуждений Р. Лукаса.

В свою очередь, У. Мяки защищает такую аналогию в явном виде. По его мнению, как в материальном эксперименте естественнонаучного типа, так и в мысленном эксперименте в экономической теории осуществляются сходные по функции и результатам операции, в конечном счете, направленные на изоляцию и взятие под контроль объекта исследования. «Разница с физическим экспериментом состоит лишь в том, что в последнем контроль и изоляция осуществляются путем физической или каузальной манипуляции, а в мысленном эксперименте – путем конструирования предпосылок», – пишет У. Мяки. По его мнению, мысленный эксперимент справляется с ключевой задачей – изоляцией предмета – даже лучше материального.¹

У. Мяки согласен с Р. Лукасом, что «модели представляют собой лаборатории для экономистов-теоретиков», – по его мнению, с «этим утверждением согласится большинство ученых». Развивая эту мысль, У. Мяки отмечает, что «подобно естествоиспытателям, изучающим искусственные миры в экспериментальных ситуациях, созданных в лабораториях, экономисты-теоретики создают и изучают искусственные миры своих моделей. Подобно тому, как физический эксперимент основан на изолировании фрагментов мира для изучения некоторых его свойств с помощью методов каузального контроля, моделирование вводит определенные предпосылки, с помощью которых исследователь может эффективно контролировать «среду». «Такие идеализирующие предпосылки ложны в принципе, однако необходимы для осуществления требуемой изоляции. Нереалистичные предпосылки – незаменимый инструмент теоретика-экспериментатора».

Столь высокий уровень доверия к мысленным экспериментам в сочетании с их популярностью и расплывчатостью значения самого термина заставляют обратиться к более обстоятельному исследованию этого понятия и обозначаемой им научной практики.

¹ Мяки У. Модели и эксперименты – это одно и то же // ВЭ, 2008, №11, с. 81–90.

Мысленные эксперимент versus эксперимент, или чем занимаются естествоиспытатели. Хотя появление термина «мысленный эксперимент», по всей видимости, относится к началу XIX в. и связано с творчеством выдающегося датского физика Х. Эрстеда¹, разработкой этого понятия в контексте методологии науки мы обязаны Э. Маху, который впервые описал мысленный эксперимент в качестве научного метода.²

Представление о мысленном эксперименте вводится Э. Махом в связи с реконструкцией метода Галилея, который принято считать отправной точкой и методологической основой для развития опытно-экспериментального естествознания.³ Активное использование мысленных экспериментов как раз и оказывается тем методологическим новшеством, благодаря которому Галилей закладывает основы новой физики и, тем самым, получает особый статус в истории методологической культуры Нового времени.

Как отмечает Э. Мах, «кроме физического эксперимента существует еще другой, получающий широкое применение на более высокой ступени умственного развития [курсив наш. – Т.В., О.К.], – мысленный эксперимент или эксперимент в уме».⁴ Этот тип экспериментирования основывается на предшествующем опыте, т.е. опирается на накопленные данные, включая непосредственно неосознаваемые («опыт» исследователя) либо пропущенные в момент наблюдения («память» исследователя). Опираясь на данные опыта и работая с ними в пространстве мысли, исследователь получает преимущество экономии усилий и гибкости моделей, поскольку наши «представления» всегда у нас под рукой, а построение ментальной модели требует существенно меньше времени и материальных ресурсов. Таким способом можно произвольно варьировать условия эксперимента и анализировать возможные следствия и неизбежные ограничения, добываясь ясных результатов («догадок»).

Э. Мах настолько увлечен достоинствами мысленного экспериментирования и методологическими преимуществами, которые его использова-

¹ Обсуждение вопроса о происхождении термина «мысленный эксперимент» и эволюции его понятийного содержания см.: Roux. S. Introduction: The Emergence of the Notion of Thought Experiments // Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts. Ed. by K. Ierodiakonou and S. Roux. Leiden – Boston: Brill, 2011, pp. 1–19.

² Мах Э. Познание и заблуждение. М.: Бином, 2003, с. 192–207.

³ Мах Э. Механика. М.: КомКнига, 2000, с.105 и далее. О фундаментальном методологическом значении работ Галилея для последующего развития естествознания вплоть до его современного состояния см.: Липкин А.И. Основания современного естествознания. М. 2001, с. 17–31.

⁴ Мах Э. Познание и заблуждение, с. 195.

ние предоставило в распоряжение Галилея и последующей традиции, что временами дает основания для подозрений в самодостаточности мысленного эксперимента, «ибо вовсе не важно, осуществлен ли эксперимент в действительности или нет, если только результат его вне сомнения».¹

Такое утверждение, на первый взгляд, прекрасно согласуется с взглядами экономистов-инструменталистов. Существенны лишь результаты (выводы, прогнозы), реалистичность предпосылок (т.е. наличие материального соответствия теоретической модели) не важна.²

Однако Э. Мах (и естественнонаучная практика) имеет в виду нечто совершенно иное: мысленный эксперимент всегда опирается на опыт, – в этом смысле он всегда не вполне «мысленный». Как справедливо отмечает С. Ру, Э. Мах принципиально не включает в число мысленных экспериментов контрфактические суждения, поскольку последние всегда содержат нереалистичную посылку, – тем самым, моделируемое ими представление принципиально выходит за рамки опыта и, по этой причине, они «бесполезны для физики».³ Э. Мах многократно подчеркивает принципиально взаимозависимость мысленного и физического (материального) эксперимента: «Умственный эксперимент есть необходимое предварительное условие эксперимента физического» и «он побуждает к эксперименту физическому, как к своему естественному продолжению, которое должно иметь значение дополняющее, определяющее [курсив наш. – Т.В., О.К.]».⁴ Кроме того, Э. Мах солидаризируется с П. Дюгемом и утверждает, что последний прав, «когда предостерегает от изображения умственных экспериментов так, как будто они были экспериментами физическими, т.е. от того, чтобы выдавать постулаты за факты».⁵

По сути Э. Мах рассматривает мысленный эксперимент не как отдельную процедуру: речь идет о специфическом методе, внутри которого мысленный эксперимент как отдельный вид работы неразрывно связан с материальным экспериментом и эпистемологически зависит от имеющегося опыта («фактов»), возможность отрыва от которого (т.е. использование нереалистических посылок) даже не рассматривается. *Материальный эксперимент предшествует мысленному, очерчивая предмет и задачи ис-*

¹ Мах Э. Механика, с. 33.

² Сравните: Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994, вып.4, с. 23–35.

³ Roux. S. Introduction: The Emergence of the Notion of Thought Experiments // Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts., p. 11.

⁴ Мах Э. Познание и заблуждение, с. 195–197.

⁵ Там же, см. Примечание 5 на стр. 197.

следования, мысленный эксперимент синтезирует и обобщает имеющийся опыт, формируя модель, которая затем проверяется материальным экспериментом, сохраняющим «определяющее» (см. выше) значение.

Необходимо подчеркнуть, что не только название, но и кредит доверия к собственным результатам мысленный эксперимент заимствует у эксперимента физического (материального), а делегирование доверия осуществляется за счет неразрывности связи мысленного и материального эксперимента в методологии классического естествознания. Такой позиции придерживались не только основатели классического естествознания, но и Х. Эрстед и Э. Мах, благодаря которым теоретическое представление о мысленном эксперименте укоренилось в философии и методологии науки.

Тесная связь мысленного эксперимента с материальным, – связь в равной мере историческая и методологическая, – сыграла злую шутку с теоретической разработкой мысленного эксперимента. Первоначально представление о нем было построено по аналогии с «обычным», физическим экспериментом и в тесной связи с последним. Однако в дальнейшем мысленный эксперимент, терминологически обособленный Э. Махом, постепенно «отделился» от метода, исключительно в контексте которого он и существовал для Э. Маха, и превратился в самостоятельную процедуру, претендующую на роль некоторого автономного аналога классической (материальной) экспериментальной практики. Так отдельный, пусть и обладающий исключительной важностью, компонент метода превратился в независимое средство исследования, способное (по крайней мере, теоретически) самостоятельно обеспечивать приращение знания.

В результате этого обособления область определения мысленного эксперимента разрослась до всей совокупности рефлексивных ментальных операций, ориентированных на решение познавательных задач.

Большинство специалистов в области эпистемологии уходят от определения мысленного эксперимента, подменяя содержательную разработку проблемы типологией мысленных экспериментов¹, либо ограничиваются определениями в духе эмпирической социологии и пытаются обобщить многообразие фактических употреблений словосочетания «мысленный эксперимент».²

¹ Вот характерный пример: «Мысленные эксперименты осуществляются в лаборатории разума. За пределами этой метафорической конструкции (bitofmetaphor) сложно сказать, что они такое» (Brown J.R. *The Laboratory of the Mind*. L.: Routledge, 1991, p. 1)

² Примером может служить определение мысленных экспериментов, предложенное С. Ру: «Если мы попытаемся определить, что такое мысленные эксперименты, мы, скорее всего, остановимся на следующих трех характеристиках: они контрфактические, они задействуют конкретный сценарий, и они имеют четко определенную познавательную интенцию» (Roux S., *Ibidem*, p. 19).

Подобная ситуация отмечается и в методологии экономических наук, где под мысленным экспериментом понимается, по сути, любая идеальная операция, направленная на решение познавательной задачи – от сложной теоретической деятельности типа моделирования до простого условно-гипотетического (контрфактического) рассуждения.¹

Модели реальности и «реальности» моделей, или на что способны экспериментальные практики. Известно, что теоретическое ядро мейн-стрима выстраивалось с ориентацией на общие принципы построения знания в математизированном естествознании (физике), которое выступало образцовой парадигмальной наукой.² Л. Вальрас относил «чистую политэкономия» к физико-математическим наукам, признавая, что описание «рынков, наилучшим образом организованных с точки зрения конкуренции... подобно тому, как в механике допускается существование машины без трения», а они «... строят аргюги конструкции своих теорем и их доказательств», адресуясь к опыту «не для того, чтобы подтвердить, а чтобы применить свои выводы».³ Фактически в своем высказывании Л. Вальрас неявно адресуется к практике мысленных экспериментов при построении теории в физике.

Как видно, и Р. Лукас, и У. Мьяки, и другие методологи-экономисты неявно принимают как данность тот факт, что идеал организации и формы познавательной деятельности заимствованы экономической теорией из естествознания. Проводя явную или неявную аналогию между экспериментом и мысленным экспериментом, они апеллируют к стандартам и процедурам физики, выступающей образцом научности для всех наук о действительности, и тем самым надеются разрешить проблему отношения моделей и реальности. Тем более что аналогичная – на первый взгляд – проблема сейчас имеется и в самой физике.⁴ Однако они упускают из виду одну принципиальную особенность организации знания в этой науке.

Теоретические модели естественных наук экспериментально проверяемы и, в конечном счете, опираются на опытные данные, – здесь строгой методологической нормой является наличие связки «теоретическая конструкция

¹ МакКлоски Д. Контрфактические утверждения // Экономическая теория. Под ред. Итуэлла Дж., Милгейта М., Ньюмена П.М.М.: ИНФРА-М, 2004, с. 186.

² Кошовец О.Б. Дисциплинарное воспроизводство экономического знания (эпистемологический, онтологический и социально-экономический аспекты). М.: Институт экономики РАН, 2010.

³ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства. М.: Экономика, 2000, с. 1, 30.

⁴ Илларионов С.В. Проблема реальности в современной физике // Теория познания и современная физика. М.: Наука, 1984; Севальников А.Ю. Современное физическое познание: в поисках новой онтологии. М.: Инт-т философии РАН, 2003.

(математическая модель) – физическая модель (интерпретация) – система процедур измерения и приготовления, обеспечивающая адаптацию модели («теории») к материальным условиям («действительности»)¹. Решающим средством предъявления объектов исследования и подтверждения предметной отнесенности знания в естественнонаучном комплексе дисциплин оказывается эксперимент, демонстрирующий действительность различных компонентов модельных представлений, сформированных в теоретическом слое науки. Без эксперимента предметная отнесенность результатов теоретической работы остается неопределенной, и мы не можем решить вопрос о соответствии наших представлений чему-либо за их пределами, т.е. не можем решить, являются ли наши теоретические модели просто логически правильной (и даже, возможно, прагматически эффективной) фантазией или чем-то большим.

В общественных науках, к коим относится и экономическая теория, возможность постановки эксперимента и создания материальных (экспериментальных) моделей весьма ограничена, а часто и просто отсутствует. И поскольку в общественных науках переход «мысленный эксперимент» – «материальный эксперимент» затруднен, возможность обособленного использования мысленного эксперимента оказалась чрезвычайно востребована. Однако статус результатов изолированного применения мысленного эксперимента не столь очевиден, как статус результатов мысленного эксперимента в естественных науках. Если в естествознании результаты мысленного эксперимента всегда сопоставляются с экспериментальной (материальной) процедурой предъявления «реальности» в форме опытных данных, то в общественных науках построение такой процедуры является крайне проблематичным. Скорее, можно использовать модель в качестве нормативной конструкции для последующего социально-политического преобразования реальности (этот посыл неявно содержится у Р. Лукаса), но едва ли можно надеяться на предъявление реальности модели до ее реализации в качестве социально-политического регулятива.²

¹ Липкин А.И. Основания современного естествознания. М., 2001, с. 46–54.

² Cartwright N. *Ceteris paribus laws and socio-economic machines // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics.* Ed. by U.Mäki. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Мы бы хотели подчеркнуть, что, вопреки позиции Н. Картрайт, для констатации принципиального различия статуса мысленного эксперимента в общественных науках и естествознании вопрос о принятии конструктивистской эпистемологии вместо реализма не является принципиальным, поскольку различия между дескриптивной и нормативной моделью сохраняются в обоих случаях. Конструктивизм и реализм по-разному оценивают статус материального эксперимента, но обе программы чувствительны к его наличию и не смешивают объекты, которым сопоставлены конструктивные процедуры предъявления (материальные эксперименты) и объекты, являющиеся средством инициирования социальных практик.

Ключевые особенности материального и мысленного экспериментов можно представить в виде нижеследующей сравнительной таблицы:¹

Материальный эксперимент	Мысленный эксперимент
Средство предъявления предмета за счет нормирования (строго контролируемого и воспроизводимого извлечения из действительности измеряемых инвариантов) опыта.	Средство предъявления предмета за счет абстрактно-логического ограничения предметной области; опыт заменяется теоретически возможным опытом
Всегда опосредован приборами, которым делегируются функции сбора и фильтрации данных, которые предоставляются прибором в виде простых и однозначных (обычно – числовых) репрезентаций.	Технико-практическая составляющая отсутствует, эмпирическая компонента вводится как логически возможный опыт (то, что не запрещено); допускаются сколь угодно абсурдные с практической точки зрения посылки, запрещено лишь то, что невозможно в разуме (как правило, то, что противоречиво). За счет такой свободы в отношении опытной реальности возникает возможность для творческого конструирования теоретических моделей, выделяющих непосредственно не наблюдаемые, отсутствующие в опыте инварианты.
Насколько это возможно, нивелируется наблюдатель: в идеале замена наблюдателя не должна влиять на результат; это достигается за счет расширения числа функций, делегированных технической системе (приборам).	Фиксируется не наблюдаемая, а логическая, т.е., по определению, intersubъективная конструкция; опыта здесь нет, поэтому и связанных с ним проблем не может возникнуть.
Эксперимент дает стабильные и воспроизводимые материальные результаты, которые всегда могут быть предъявлены внешним по отношению к исследователю образом (это объекты чувственного опыта).	Мысленный эксперимент также дает стабильные воспроизводимые результаты, однако предъявляемый результат является логически возможным, а не эмпирическим или практически действительным.

Как видно из таблицы, мысленный эксперимент, изолированный от эксперимента материального, теряет ключевую для экспериментального исследования черту: он оказывается не в состоянии предъявить предмет исследования; предмет может быть сколь угодно сложно теоретически простроен, но *вопрос о его реальности в рамках мысленного эксперимента оказывается*

¹ Вархотов Т.А. (2012). Мысленный эксперимент как средство исследования в общественных науках // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Симферополь, Т. 24 (65), № 4, с. 403–404.

принципиально неразрешимым. В лучшем случае предмет может рассматриваться как социальная цель, – то, что должно быть создано путем реализации модели; в худшем случае он – просто отвечающая заранее принятым критериям формальной правильности фантазия исследователя.

По существу, мысленный эксперимент фиксирует пределы возможностей для заданных предпосылок, надежность которых не может быть оценена средствами самого мысленного эксперимента. Они интуитивны (чаще всего) и должны оцениваться посредством иных процедур, позволяющих выявить их предметную отнесенность. То есть *сам по себе мысленный эксперимент не может служить средством исследования действительности*, – в науках о действительности ему всегда должны быть соположены **процедуры привязки** к предметной области (технические, материальные практики).

Концепция модели как мысленного эксперимента У. Мьяки, на первый взгляд, близко соответствует естественнонаучной методологии. Мысленный эксперимент оперирует моделью большей степени общности, а материальные эксперименты могут рассматриваться «не как простые модели сложных систем реального мира, а как модели теоретических моделей», т.е. как уточнения (частные реализации) ключевых элементов мысленного эксперимента. При этом мысленные эксперименты имеют даже некоторое преимущество перед материальными, поскольку «в рамках мысленного эксперимента реальность можно подвергнуть сколь угодно жесткому контролю, тогда как при проведении физических экспериментов ученый вынужден признавать наличие множества возможных взаимосвязей или ограничивать их лишь в незначительной степени».

Все это было бы действительно так, если бы экономическая теория воспроизводила метод Галилея, и ее мысленные эксперименты существовали в неразрывной связи с материальными. Однако в экономической теории материальные эксперименты по большей части отсутствуют, и поэтому вопрос о том, что именно «жестко контролируется» с помощью мысленного эксперимента остается принципиально открытым.

Можно попытаться уйти от этой проблемы, опять-таки прибегнув к инструменталистскому решению: теоретическая конструкция предъясвляет свою релевантность не за счет реалистичности посылок и экспериментальной проверяемости, а исключительно за счет эффективности предсказаний и умения способствовать решению некоторой практической проблемы. Как пишет по этому поводу М. Фридман, «идеальные типы не предназначены для описаний, они созданы для выделения характеристик, которые являются решающими для решения конкретной проблемы».¹

¹ Фридман М., цит. соч., с. 45.

Получается, что не важно, соответствует ли карте местность, важно лишь, чтобы с помощью карты можно было найти сокровища. В такой формулировке порочность рассуждения становится очевидной: сложно представить себе эффективный поиск сокровищ с помощью карты, не соответствующей местности, и вполне очевидно, что результат при этом будет носить случайный характер. Можно возразить, что никто не требует от карты полного отражения действительности и реальность всегда богаче знания. Поэтому мы выделяем существенные характеристики и не заботимся о прочих, а результат такой изолирующей работы по избирательному моделированию с неизбежностью будет искаженным по сравнению с реальностью, которая может быть смоделирована множеством различных способов.

Однако этот аргумент не меняет сути дела: поскольку регулятивные правила построения модели привязаны не к реальности, а к автору и его целям, вопрос о границах применимости построенной модели и о степени закономерности (необходимости) полученных результатов остается неразрешимым. Не имея ясного представления о степени предметности (адекватности) теоретической модели, мы не можем оценить ни степень надежности (воспроизводимости) достигнутого результата (ту самую «эффективность»), ни границы области применения модели и ее производных. Все, на что мы можем рассчитывать – это локально эффективное знание неизвестной степени общности с выводами неизвестной степени устойчивости. По сути, это не универсальное, – как то предполагает научное исследование, – а N -разовое знание с неизвестным значением N .

Таким образом, мысленный эксперимент – средство картографирования предметной области, он ничего не доказывает, а лишь предлагает некоторые возможные демаркационные линии. Из него нельзя делать никаких строгих выводов, кроме организационных: карта фиксирует определенную систему различий, предположительно существенную для представления некоторой местности. Но карта не является достаточным основанием для того, чтобы считать отображенную на ней местность существующей, а выбранный способ отображения – релевантным.

«Тот, кто слишком долго просидел, уткнувшись в карту, может принять карту за местность», – заметил Н. Талеб.¹ Именно это и произойдет, если мы будем последовательно придерживаться идеи исследования экономической реальности с опорой на мысленные эксперименты (модели) как независимые процедуры приращения знаний.

¹ Талеб Н., цит. соч., с. 217.

* * *

Методология экономической науки стремится уйти от проблемы реалистичности концептуальных оснований и сосредоточиться на анализе прогностических и перформативных возможностей исследовательских инструментов экономической теории.

Основные теоретические инструменты – моделирование и мысленный эксперимент – рассматриваются как адаптация соответствующих проверенных естественнонаучных методов, чем, в значительной степени, обусловлено интуитивное доверие к ним.

Несмотря на кажущееся сходство (и попытки его обоснования), существует ряд фундаментальных различий между «мысленным экспериментом» и моделированием в экономической теории и соответствующими исследовательскими практиками естествознания.

Науки о действительности предполагают предметную отнесенность – наличие способа предъяснить то, о чем высказываются науки. И материальный эксперимент выполняет в этом отношении ключевую роль – именно он обеспечивает стабильное и intersubъективное предъявление опытной реальности первичных идеальных объектов, – закономерностей, предположенных мысленным экспериментом. Сам по себе мысленный эксперимент (модель) ничего не доказывает и не опровергает, он лишь позволяет структурировать предметную область, не позволяя при этом провести различие между реальным и вымышленным.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к неустранимой проблеме репрезентативности модели: мы не можем отказаться от требования репрезентативности знания, если хотим отстаивать его научность, т.е., в конечном счете, универсальность и действенность. Локальная эффективность моделей, используемая в качестве основного аргумента в пользу допустимости отказа от борьбы за реалистичность концептуальных конструкций, не позволяет рассчитывать на то, что имеющиеся отдельные успехи экономической теории носят не случайный характер и могут быть мультиплицированы.

Мы можем заключить, что в эпистемологической плоскости проблема отношения модели и реальности в экономической теории, проблема репрезентативности экономической теории не может быть решена: и инструменталистский, и экспериментальный подходы оказываются тупиковыми. Поэтому необходимо перейти от анализа средств установления соответствия «знания» и «реальности» к анализу специфики той реальности, с которой имеет дело экономическая теория.¹

¹ Кошовец О.Б., Фролов И.Э. Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки // Теоретическая экономика: онтология и этика. – М.: Институт экономики РАН, 2013.